

ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ

Иконостас

ПАЛ Ъ МИ РА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 5

УДК 246.3
ББК 85.14
Ф73

Флоренский, П.

Ф73 Иконостас / Павел Флоренский. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2025. — 168 с. — (Серия «Пальмира — искусство»).

ISBN 978-5-517-12162-2

«Иконостас» (1922) — исследование священника, богослова, философа и поэта Павла Флоренского, в котором он, соединяя искусствоведческую и богословскую оптику, предлагает глубокий анализ иконописной традиции. Флоренский разбирает догматы церкви и блестяще анализирует иконописный канон, сравнивает православную иконопись с западной религиозной живописью, рассуждает о материальной стороне создания иконы, а также затрагивает и многие другие темы, связанные с живописной и философской сторонами русской иконописной традиции.

УДК 246.3
ББК 85.14

ISBN 978-5-517-12162-2

© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2025

По первым словам летописи бытия, Бог «сотворил небо и землю» (*Быт* 1:1), и это деление всего сотворенного надвое всегда признавалось основным. Так и в исповедании веры мы именует Бога «Творцом видимых и невидимых», Творцом как видимого, так, равно, и невидимого. Но эти два мира — мир видимый и мир невидимый — соприкасаются. Однако их взаимное различие так велико, что не может не встать вопрос о *границе* их соприкосновения. Она их разделяет, но она же их и соединяет. Как же понимать ее?

Тут, как и в других вопросах метафизики, исходной точкою послужит, конечно, то, что мы уже знаем о себе самих. Да, жизнь нашей собственной души дает опорную точку для суждения об этой границе соприкосновения двух миров, ибо и в нас самих жизнь в видимом чередуется с жизнью в невидимом, и тем самым бывают времена — пусть короткие, пусть чрезвычайно растянутые, иногда даже до атома времени, — когда оба мира соприкасаются и нами созерцается самое это прикосновение. В нас самих покров зримого мгновениями разрывается, и сквозь его, еще сознаваемого, разрыва веет незримое, нездешнее дуновение: тот и другой мир растворяются друг

в друге, и жизнь наша приходит в сплошное струение, вроде того как когда подымается над жаром горячий воздух.

Сон — вот первая и простейшая, т. е. в смысле нашей полной привычки к нему, ступень жизни в невидимом. Пусть эта ступень есть низшая, по крайней мере чаще всего бывает низшей; но и сон, даже в диком своем состоянии, невоспитанный сон, — восторгает душу в невидимое и дает даже самым нечутким из нас предощущение, что есть и иное, кроме того, что мы склонны считать единственно жизнью. И мы знаем: на пороге сна и бодрствования, при прохождении промежуточной между ними области, этой границы их соприкосновения, душа наша обступается сновидениями.

Нет нужды доказывать давно доказанное: глубокий сон, самый сон, т. е. сон как таковой, не сопровождается сновидениями, и лишь полусонное-полубодрственное состояние, именно *граница* между сном и бодрствованием, есть время, точнее сказать, время-среда возникновения сновидческих образов. Едва ли не правильно то толкование сновидений, по которому они соответствуют в строгом смысле слова *мгновенному* переходу из одной сферы душевной жизни в другую и лишь потом, в воспоминании, т. е. при транспозиции в дневное сознание, развертываются в наш, видимого мира, временной ряд, сами же по себе имеют особую, несравнимую с дневною меру времени, «трансцендентальную». Припомним в двух словах доказательство тому.

«Мало спалось, да много виделось» — такова сжатая формула этой сгущенности сновидческих

образов. Всякий знает, что за краткое, по внешнему измерению со стороны, время можно пережить во сне часы, месяцы, даже годы, а при некоторых особых обстоятельствах — века и тысячелетия. В этом смысле никто не сомневается, что спящий, замыкаясь от внешнего видимого мира и переходя сознанием в другую систему, и *меру времени* приобретает новую, в силу чего *его* время, сравнительно со временем покинутой им системы, протекает с неимоверной быстротой. Но если всякий согласен и не зная принципа относительности, что в различных системах, по крайней мере применительно к рассматриваемому случаю, течет *свое* время, со *своею* скоростью и со *своею* мерою, то не всякий, пожалуй даже немногие, задумывался над возможностью времени течь с *бесконечной* быстротой и даже, выворачиваясь через себя самого, по переходе через бесконечную скорость, получать *обратный* смысл своего течения. А между тем время действительно может быть мгновенным и обращенным от будущего к прошедшему, от следствий к причинам, телеологическим, и это бывает именно тогда, когда наша жизнь от видимого переходит в невидимое, от действительно — в мнимое. Первый шаг в этом направлении, т. е. открытие *времени мгновенного*, был сделан бароном Карлом Дюпрелем, тогда еще совсем молодым человеком, и этот шаг был самым существенным из числа всех им сделанных. Но непонимание *мнимостей* внушило ему робость перед дальнейшим и более существенным открытием, несомненно лежавшим на его пути, — признанием *времени обращенного*.

Схематически рассуждение можно повести примерно так.

Общеизвестны и в жизни каждого, несомненно, многочисленны, хотя и непродуманны в занимающем нас смысле, сновидения, вызванные какою-нибудь внешнею причиною, точнее сказать, по поводу или на случай того или другого внешнего обстоятельства. Таковым может быть какой-либо шум или звук, громко сказанное слово, упавшее одеяло, внезапно донесшийся запах, попавший на глаза луч света и т. д. и т. д., — трудно сказать, что не может быть толчком к развертывающейся деятельности творческой фантазии. Может быть, не было бы поспешностью признать и *все* сны — такого происхождения, чем, впрочем, объективная их значимость ничуть не подрывается. Но очень редко это банальное признание поводом сновидения некоторого внешнего обстоятельства сопоставляется с самою *композицией* сновидения, возникшего в данном случае. Скорее всего, эта невнимательность к *содержанию* сновидения питается установившимся взглядом на сновидения как на нечто пустое, недостойное разбора и мысли. Но, так или иначе, композиция сновидений «по поводу», я бы осмелился сказать, и вообще *всех* сновидений, по крайней мере большинства, — строится по такой схеме.

Сонная фантазия представляет нам ряд лиц, местностей и событий, целесообразно сцепляющихся между собою, т. е., конечно, не глубокой осмысленностью событий, которыми направляется действие сонной драмы, а — в смысле прагматизма: мы ясно сознаём связь, приводящую от

некоторых причин, событий-причин, видимых во сне, к некоторым следствиям, событиям — следствиям сновидения; отдельные события, как бы ни казались они нелепыми, однако связаны в сновидении причинными связями, и *сновидение развивается*, стремясь в определенную сторону, и роковым — с точки зрения сновидца, — роковым образом приводит к некоторому заключительному событию, являющемуся развязкою и завершением всей системы последовательных причин и следствий. Сновидение завершается событием x , которое произошло потому, что *раньше* его произошло событие t , а t произошло *потому, что раньше* его было событие s , а s имело прежде себя свою причину r и т. д. и т. д., восходя от следствий к причинам, от последующего к предыдущему, от настоящего к прошедшему до некоторого начального и обыкновенно совсем незначительного, ничем не знаменательного события a — причины всего последующего за ним, как это создается в сновидении. Но мы помним ведь, что причиной извне, дневным сознанием наблюдаемую, *всего* сновидения, как целого, как целой композиции, было некоторое внешнее, для замкнутой системы спящего, событие или обстоятельство. Назовем его Ω .

Теперь, спящий просыпается, не только побужденный этою причиною Ω к бывшему у него сновидению, но и пробужденный им, причем, однако, развязка сновидения, x , совпадает, или почти совпадает, по своему содержанию с переживаемая наяву причиною сновидения Ω . Это совпадение бывает обычно настолько точно, что и в голову не придет усомниться в непосредственности связи

события x и причины Ω : развязка сновидения, несомненно, есть сонная перефразировка некоторого события внешнего мира Ω , вторгнувшегося в уединенный от всего внешнего мир спящего. Если я вижу сон, в котором происходит выстрел, а в комнате возле меня на самом деле был выстрел или хлопнули дверью, то может ли быть сомнение в *неслучайности* такого сновидения: ну конечно, выстрел в сновидении есть духовный отголосок на выстрел во внешнем мире. Если угодно, тот и другой выстрел есть двоякое восприятие — ухом сонным и ухом бодрствующим — одного и того же физического процесса. Или во сне я увижу множество душистых цветов, тогда как мне поднесли к носу флакон с духами, то опять было бы естественно подумать на случайность совпадения двух запахов: запаха во сне — цветочного — и запаха внешне обоняемого — духов. Если во сне мне навалился кто-то на грудь и стал душить меня, а когда от страха я проснулся, то этот навалившийся оказался, положим, подушкой, попавшею мне на грудь; или если меня укусила собака в сновидении, а проснувшись от ощущения этого укуса, я обнаружил, что меня в самом деле ужалило влетевшее в открытое окно насекомое, то и тут и в бесчисленном множестве других подобных же случаев совпадение развязки x с причиной сновидения Ω никак не случайно.

Повторяем, одно и то же действительное событие воспринимается по *двум* сознаниям: в дневном сознании — как Ω , а в ночном — как x . Повидимому, во всем сказанном нет ничего особенного; да, не было *бы*, если *бы* событие x , будучи следствием Ω , т. е. входя в ряд дневной, внешней